

Литературоведение

УДК 821.161.1

Е.В. Шохина

СИТУАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ В ЗИМНЕЙ ЛИРИКЕ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Предметом рассмотрения в статье становятся «зимние» состояния Поэта, маркированные погружением в мир мечтаний и снов у печи / камина или окна. Объектом изучения являются лирические произведения русских поэтов начала XIX в., в которых воплощен амбивалентный образ русской зимы, поданный либо в мрачных и даже смертоносных оттенках, либо в спокойных и меланхолических тонах, но в обоих случаях интенсивно воздействующий на Поэта. В произведениях Василия Андреевича Жуковского, Евгения Абрамовича Баратынского, Петра Андреевича Вяземского и Александра Христофоровича Востокова создаются базовые модели «зимнего» поведения творца, однако в наиболее концентрированном виде мотивы вдохновения, сопутствующие описанию творческого процесса, приуроченного к зиме, проявляются в лирике А.С. Пушкина. В итоге лирические переживания Поэта становятся актом преодоления зимнего холода.

Ключевые слова: поэт, поэтическое вдохновение, мечтатель, зимняя лирика, поэты XIX в.

В поэзии первых трех десятилетий XIX в. изображение зимы подчиняется двум тенденциям: с одной стороны, это время года символизирует увядание, тоску, смерть, с другой стороны, зима сопрягается с любовными переживаниями, чувством радости и восхищения, становясь периодом эмоционального подъема, восторга, творческого вдохновения. Примером может служить «Послание к Плещееву» В.А. Жуковского, где пересекаются обе тенденции. Строка: «Ты сетуешь на климат наш печальный» – подчеркивает национальное своеобразие России, в которой «шесть месяцев в одежде погребальной / Зима у нас привыкнула гостить!» [8]. Однако мотив смерти/могилы тут же нивелируется альтернативным грусти и тоске поведением: зима связана с национальным времяпрепровождением – зимними забавами, которые любят и дети, и взрослые: «Кто запретит в медвежьих сапогах, / Закутав нос в обширную винтуру, / По холодку на лыжах, на коньках / Идти с певцом в пленительных мечтах...» [8].

Идея национального своеобразия, «русскости» организует и зимние тексты других поэтов. «Вкруг меня природа вянет, / А во мне цветет она: / Для других зима настанет, / Для меня – весна!» [3] – пишет А.Х. Востоков в стихотворении «Услаждение зимнего вечера», подчеркивая достоинства зимы для «руссаков», которым не страшны ни бореи, ни морозы. Поэт почти на десять лет опережает П. Вяземского с его идеей особенного менталитета русских людей, творческий потенциал которых пробуждается под действием холодов. В стихотворении 1808 г. «К зиме» читаем: «Не Итальянцы мы, не Греки, / Которым наших зим не снести ... Но знают ли они отраду / Трескучих зимушек лихих?» [3]. Ключевая для «зимнего текста» русской литературы фраза подводит итог стихотворению: «Как под снегами зреет озимь, / Так внутренняя в нас жизнь кипит... / Доколе бодрость в нас не спит, / Мы рук и ног не отморозим» [3]. Жизненная энергия кипит в груди лирического героя Е.Л. Милькеева в стихотворении «Как ветер закрутит мгновенно прах летучий...» (1842), которое продолжает эту традицию: «Но вот летит зима, летит зиждитель-холод; / Водам кует броню его всесильный молот, ... / И блещут на стекле узоры поутру... / Тогда я восхищен и жизни снова рад!» [13].

Но не только «зимний жар» пиров и каминов способен противостоять разрушительному характеру зимы: эту роль может выполнять и любовь, «нежная» как в стихотворении Е.А. Баратынского «Где сладкий шепот...». Надежной преградой «бурям бытия» и смерти, явленной в картинах «онемения» воды, «оцепенения» природы, «седой» мглы и «гробового лика», служит окно, дающее укрытие от ненастья, а уют и тепло поддерживаются разожженным в печи огнем, сопряженным с сердечным мотивом: «Огонь трескучий / В моей печи; / Его лучи / И пыл летучий / Мне веселят / Беспечный взгляд <...> / Склонюсь главою / На сердце к ней, / И под мятежной метелью бед, / Любовью нежной / Ее согрет...» [2].

Подобные тенденции наблюдаются и в прозе В.Кюхельбекера, невзирая на то, что в его поэзии образ зимы поддерживают трагические мотивы. В романе «Последний Колонна» обозначены яркие

черты и особенности национального характера русских, замеченные и увиденные глазами иностранца. Итальянец Джиованни Колонна наблюдает за своим русским приятелем Владимиром Пронским и на основании этого делает меткие замечания: ему, как русскому человеку, свойственны скромность, душевная глубина, «способность чувствовать и понимать прекрасное», близость к природе. Интересны параллели, которые выстраивает герой, сравнивая людей разных национальностей с временами года: итальянцы под стать лету, немцы сравниваются с осенью, а «русских же можно назвать ясною, светлою зимою», «у них не встречаешь той неопределенности, неясности, мглы, какою бываешь окружен в Германии» [10. С. 394]. При этом эпитеты, использованные Колонной для описания зимы, ничуть не умаляют ее красоты, хотя она достаточно сурова: «В продолжение шести, семи, в некоторых областях даже восьми и девяти месяцев на них (русских. – Е.Ш.) дышит мороз жестокий; их взор блуждает по снеговым сугробам, им в лицо хлещет вьюга...» [10. С. 394]. Знаков вывод итальянца: суровые погодные условия располагают русских людей к мечтам и к творчеству. Эти творческие потенции зимы реализуются в стихах Н. Языкова: «Но если юноше велит / Душой и разумом богиня / Прославить зимние дела: / В поэте радость оживает / И вдохновенный восклицает: / Зима пришла! Зима пришла!» [18] («Зима пришла»), а также В. Жуковского: «Украсим то, чего не избежим, / Пленительной игрой воображенья, / Согреем мир лучом стихотворенья» [8]. Пробуждение фантазии и поэтического воображения может спасти русских людей от зимнего холода и стужи.

Национальный характер зимы подчеркивается с помощью славянской мифологии: так, стихотворение П.А. Корсакова «Зимние мечтания» изобилует колоритными образами лешего, бога Позвизда, Марцаны, соотносящимися с античными сатиром, Эолом и Церерой соответственно. Зимние мечтания Поэта вписаны в атмосферу древних времен наших предков-славян: «Мирный знак полей иссушила осень; / Все дары Марцаны пожирает хлад; / Белый снег пушит рощи черных сосен; / В густоте дремучей лешие шумят» [12], – и одновременно проникнуты настроением грусти: «Мразная зима! К смерти путь открытый / Для полей, для долов, для природы всей – / Ты подобье нашей старости маститой, / Ты нам служишь дверью в области теней» [12].

В «зимней» лирике отчетливо прослеживается взаимосвязь между метафорическим огнем, согревающим кровь русских на морозе, и огнем реальным, предстающим неоднократно в текстах в образах искр, пламени в печи или камине. Печь – традиционный атрибут «зимней» лирики, связанный с архетипическими представлениями об огне: «В земном огне древнейшие арийские племена видели стихию, родственную с небесным пламенем грозы: огонь, разведенный на домашнем очаге, точно так же прогоняет нечистую силу тьмы и холода и уготовляет насущную пищу» [1. С. 5]. Смерти противостоит живительный огонь, преображающий внутренний мир человека, принося спокойствие и умиротворение (особенно контрастные по отношению к зимней погоде): «Спасенье есть от хлада и мороза: / Пушистый бобр, седой Камчатки дар, / И камелек, откуда легкий жар / На нас лиет трескучая береза» [8] (Жуковский «Послание к Плещееву»), «...сладость зимних вечеров, / Когда, при шуме вьюг, пред очагом блестящим, / В кругу своих сынов, / С напитком ценным и кипящим, / Он радость в сердце льет...» [8] (Жуковский «К поэзии»). Особая энергетика, которую несет в себе огонь, притягивает не только Поэта, но собирает вместе всех его соратников по духу: «Мы содвинем / Круг веселый пред камином / И пред радостным огнем / Песнь заветную споем» [7] (П.П. Ершов «Зимний вечер»). И все же зимой Поэт ведет себя иначе, нежели осенью: он использует свой дар, чтобы не впасть в тоску, и всегда рад нарушить зимнее уединение [5. С. 89]. Подтверждением тому является общий настрой стихотворений Пушкина «Зимнее утро» и «Зимняя дорога»: «Вся комната янтарным блеском / Озарена. Веселым треском / Тресчит затопленная печь», «Завтра, к милой возвратясь, / Я забудусь у камина...» [14].

Образ печи/камина плавно сопрягается в поэзии с темой творчества. Ситуация поэтического уединения, приуроченная к зиме, обнаруживает себя в ранних стихотворениях А.С. Пушкина. В «Мечтателе» 1815 г. перед взором лирического героя, расположившегося у камина, протекает жизнь поэта от младенчества до смерти, уподобленная сну: «Так в зимний вечер сладкий сон / Приходит в мирны сени, / Венчанный маком и склонен / На посох томной лени...» [14]. Пассаж В.А. Жуковского о «камельке, откуда легкий жар лиет трескучая береза», вероятно, предвосхищает сходную пушкинскую тему поэтического творчества («Зима. Что делать нам в деревне?»), присущего зиме в той же степени, что и осени, однако локально представленную у камина [5. С. 85].

Уединение и покой, царящие в душе Поэта, благотворно влияют на полет фантазии и погружение в мечтательное состояние. Именно поэтому в зимних текстах Поэт чаще всего выступает в амплуа мечтателя и преобразователя действительности, поэтизируя любые, даже обыденные, явления. Мечта, как процесс, связана скорее не с мыслью, а с фантазией, так как результатом работы вообра-

жения является создание образов. «Связь мечты с воображением прослеживается в том, что они осмысляются как вид творческой деятельности, что дает основание в ряде случаев использовать мечту как синоним творчеству, а самого мечтателя – творцу» [16. С. 210]. В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин отождествляет поэта с мечтателем, говоря о Ленском в «Евгении Онегине»: «Увы, любовник молодой, / Поэт, задумчивый мечтатель...» [14].

С помощью воображения Поэт может «путешествовать» во времени и пространстве, переоценивая объективную реальность [17. С. 180]. Поскольку в пушкинской художественной реальности бытие лирического субъекта – Поэта – определяет свобода, он прибегает к различным приемам, чтобы совершить переход в иной мир – творческий. Мысль о всевластии творящего в мечтах свой мир поэта над судьбой пронизывает стихотворение А.С. Пушкина «Послание к Юдину». «Угрюмая зимняя пора» здесь преобразуется ситуацией побега с «красавицей», обращающейся сном, мечтой: «Помчались кони, вдаль пустились, / По ветру гривы распустились, / Несутся в снежной глубине, / Прижалась робко ты ко мне ... Но что! мечтанья отлетели! / Увы! я счастлив был во сне...» [14]. Сходное состояние счастья, рождающегося в мире грез и близкого к сказочному, охватывает лирического героя Я. Полонского в стихотворении «Зимний путь»: «Мне мерещатся странные сны. / Мне все чудится: будто скамейка стоит ... / И я вижу во сне, как на волке верхом / Еду я по тропинке лесной / Воевать с чародем-царем...» [11]. Не только гнетущее ощущение «тяжести», «холода» на душе, но и неумолимое стремление к радости и «свет(у) надежды» заставляют лирического героя перемещаться в пространстве.

В состоянии зимней мечтательности, задумчивости, возникающей вследствие коммуникации с природой, часто погружается лирический герой П.А. Вяземского: «Зимней степи сумрак скучный, / Саван неба, облака! / И простертый саван снежный / На холодный труп земли! / Вы в какой-то мир безбрежный / Ум и сердце занесли. / И в бесчувственности праздной, / Между бдения и сна, / В глубь тоски однообразной / Мысль моя погружена» [4] («Дорожная дума»), «Иду один я в сад пустынный / Бродить с раздумием своим...» [4] («Царскоесельский сад зимою»). Ситуации поэтического озарения вписаны в зимний контекст, но их может инициировать и любовь, которая окрыляет Поэта и заставляет его преодолевать холод и зимнюю вьюгу: «Свои молитвы говорю: ... / Пускай пленительного взора / Вьюга лихая не гневит <...> / Быстрее поэтовой мечты, / Служа богине красоты, / Летят с уютными санями!» [18] (Н.М. Языков «А.А. Воейковой») Отличительной чертой Поэта является его способность абстрагироваться от вьюг и метелей, когда он наблюдает их из окна дома, особыми помощниками при этом становятся музы, грации и другие неотъемлемые спутники Поэта: «Изолю ли на бумагу / То, что чувствует мой дух!.. О Филлида! я в восторге, / Я теперь совсем пиит, / Ибо грация и муза / Предо мной стоит!» [3] («Услаждение зимнего вечера» А.Х. Востоков)

Состояние вечерней зимней задумчивости легко перетекает в сон. В стихотворении А.С. Пушкина «Мечтатель» образ лирического героя сближается с образом Поэта благодаря ситуации тихого уединения у камина: «Так в зимний вечер сладкой сон / Приходит в мирны сени...» [14]. Такое сопоставление подтверждается стихотворением «Сон», где поэт в ненастную пору погружается в забытие, дремоту: «Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса / В ночной тиши я с рифмою не буюсь...» [14]. Зимний сон оказывается непреодолимым, он «нежданный» и потому особенно приятен: в воображении Поэта он вызывает сказки о Бове, которые рассказывала ему «мамушка», поэтому он благодарен Морфею, возвратившему его как будто обратно в детство [5. С. 87].

В поэтическом мире А. Пушкина сон может быть тождествен творческому акту: «страшные рассказы зимою в темноте ночей» раскрывают творческое воображение Татьяны Лариной, о чем и свидетельствует ее «зимний» сон. «Литературная» природа сна подтверждается и композицией, и образами, и стилем повествования [5. С. 88]. Способность испытывать такие состояния объединяют Татьяну и Онегина, ведь уединение героя в своем кабинете, «где зимовал он как сурок», сопоставляется определенным образом с поэтическим забвением: «И постепенно в усыпление / И чувств и дум впадает он, / А перед ним воображенье / Свой пестрый мечет фараон» [14]. Как отмечает Л.В. Гайворонская, Онегин имел возможность стать поэтом, что в ироничном ключе равноценно сумасшествию («чуть с ума не своротил»): «Как походил он на поэта, / Когда в углу сидел один, / И перед ним пылал камин...» [14]. Немаловажно, что Пушкин располагает Евгения на знаковом месте, отличающем творческого человека, – у камина. Поэтическое состояние – это пограничное состояние между бдением и сном, связанное с грезами: «И в бесчувственности праздной, / Между бдения и сна... / Мысль моя погружена» [4] (П.А. Вяземский «Дорожная дума»). При этом сон знаменует начало процесса, а конец этого творческого пути – создание поэтического текста.

Поэту нужно черпать свое вдохновение из разных источников, поэтому в «зимних» текстах он часто пускается в путь, в дальнее путешествие. Неоднократно зимнее пространство дороги соединяется с острым ощущением тоски, грусти, посещающим Поэта и приводящим к философским размышлениям. Наиболее ярким примером служат стихотворения А.С. Пушкина «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Зима. Что делать нам в деревне?», посвященные темному времени суток и проникнутые чувством тоски и скуки, граничащей с печалью. Даже у П. Вяземского – создателя стихотворения «Первый снег», которое является гимном зиме, – позитивное восприятие зимнего мира может тускнеть при воспоминании о приближающейся старости и смерти (причем смерть аллегорически становится самой зимой): «Я пережил и многое, и многих... Но ждатель ли мне безумно жатвы новой, / Когда уж снег из зимних туч напал?» [4]. В стихотворении П.А. Вяземского «Дорожная дума» эпитет колокольчика – «однозвучный» – по настроению роднит этот текст с пушкинскими «Бесами», где колокольчик издает такой же монотонный звук «дин-дин-дин...». Наиболее подвержен философской рефлексии Поэт во время пешей прогулки или скачки на лошадях, которые все так же ведут к созданию поэтических текстов: «Есть обаянье, грусть и нега, / Поэзия и чувств обман; / Степь бесконечная и снега / Необозримый океан» [4] («Зимняя прогулка»).

В своем ощущении отчаяния Поэт может прийти к выводу, что мечты бесплодны и «неверны», а жизнь скоротечна, как наступление «скоротечной зимы»: «Зачем мечты мои цвет неба отражают?... / Не долго нам блестят, что всякое сиянье / Неверно, как мечта сама?» [15] (Е.П. Ростопчина «Зимний вечер»). Зима, которой имманентно присущи метели, морозы, завывания вьюги, навевает на поэтов меланхолическое настроение: «Воет ветер, плачут ели, / Вьются зимние метели... Скучно! Грустно! Что же, други, / Соберемтесь на досуге / Укоротить под рассказ / Зимней скуки долгий час!» [7] (П.П. Ершов «Зимний вечер»), «Когда порой зимы так рано вечереет, / И солнце без лучей на западе тускнеет, / Зачем, зачем так грустно мне?» [15] (Е.П. Ростопчина «Зимний вечер»). Меланхолия может привести Поэта к прямому отрицанию зимы и заставить сформировать негативное отношение к ней: «Лютая зима! ... Долго ль быть твоей нам жертвой / И сносить жестокий холод? / Всё уныло, пусто, мертво, / Все, куда ни кинем взгляд» [9] (В. Капнист «Зима»).

Таким образом, в лирике первых трех десятилетий XIX в. выстраивается определенная линия «зимнего» поведения Поэта, где зима напрямую связана с творческим процессом и вдохновением. С разной степенью интенсивности эта ситуация отражается в «зимних» текстах, связанных с фигурой Поэта, и наиболее концентрированно проявляется в лирике А.С. Пушкина. Магистральное амплуа Поэта – мечтатель, занимающийся определенным видом ментальной деятельности – *мечтательством*. Пребывание в мире грез и Муз задается нахождением в некоем зимнем пространстве: дороги или дома, у камина или у окна, что инициирует особые эмоциональные состояния: тоски, грусти, медитации, меланхолии и сна, – ведущие к творческому акту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М., 1865.
2. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л., 1936.
3. Востоков А.Х. Стихотворения Александра Востокова: В трех книгах. СПб, 1821.
4. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1982.
5. Гайворонская Л.В. Семантика времен года в художественном мире А.С. Пушкина. Воронеж, 2011.
6. Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986.
7. Ершов П.П. Стихотворения. М., 1989.
8. Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.; Л., 1959.
9. Капнист В.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1973.
10. Кюхельбекер В. Последний Колонна // Сочинения. Л., 1989.
11. Полонский Я.П. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1954.
12. Поэты 1790-1810-х годов. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1971. (Корсаков)
13. Поэты 1840-1850-х годов. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1972. (Милькеев)
14. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1. М., 1959.
15. Ростопчина Е. Стихотворения. Проза Письма. М., 1986.
16. Сергеев С.А. Понятийная составляющая признаковой структуры концепта мечта // Политическая лингвистика. 2006. №17. С. 207-214.

17. Сулемина О.В. «Поэтический побег»: поэт и реальность в лирике А.С. Пушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. №6 (36). С. 180-183.
18. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М., Л., 1964.

Поступила в редакцию 12.08.16

E.V. Shokhina

SITUATION OF POETIC INSPIRATION IN THE WINTER POET'S LYRICS OF PUSHKIN TIME

The subject of the article are the "winter" states of the Poet which are marked by immersion in a world of dreams and slumbers at the furnace / fireplace or window. The object of the study are the lyrical works of Russian poets of the beginning of the XIXth century, in which the ambivalent image of the Russian winter is embodied, described either in the dark and even deadly shades or in calm and melancholic tones, but in both cases having an intense impact on the Poet. In the works of Vasily Zhukovsky, Yevgeny Baratynsky, Peter Vyazemsky and Alexander Khristoforovich Vostokov, basic models of "winter" behavior of the creator are constructed, but in the most concentrated form the inspiration motives accompanying the description of the creative process, timed to coincide with the winter, appear in Alexander Pushkin's lyrics. As a result, lyrical experience becomes an act of overcoming the winter cold.

Keywords: poet, poetic inspiration, dreamer, winter lyric, poets of the XIX century.

Шохина Елена Викторовна, аспирант
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394006, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10 (корп. 2)
E-mail: shoelen@mail.ru

Shohina E. V., postgraduate student
Voronezh State University
Lenina sq, 10/2, Voronezh, Russia, 394006
E-mail: shoelen@mail.ru